

Глава 9

— Соня, чёртов!

— Только и делает, что спит!

— Пойдём, больше к нему не придём!

Полночь.

Глубокая ночь, всё погрузилось в тишину.

Линь Сяобао, выставив попу, лежал на кровати и сладко спал.

Линь Цзао же лежал рядом, закинув руки за голову, и, моргая, смотрел в потолок.

Да, ему не спалось.

Вечером, когда он носил еду Фу Чэну, его слова эхом отдавались в ушах.

Он назвал Фу Чэна чёртом, сказал, что тот его бесит, и что он больше к нему не придёт.

Сейчас, подумав, он понял, что перегнул палку.

Фу Чэн ранен, и то, что он долго спит, — это нормально. А он так на него накинулся.

На самом деле...

Он пожалел о своих словах сразу же, как только их произнёс.

Он не хотел его обидеть, он просто рассердился.

Фу Чэн мог бы встать и поесть, но он всегда выбирал время, когда их с Сяобао не было рядом.

Как только они появлялись, Фу Чэн отворачивался.

Словно... он намеренно их избегал.

Целый день они не видели его лица.

Он знал, что Фу Чэн поцарапан зомби и, скорее всего, скоро сам станет одним из них.

Но раз уж он решил оставить его дома, то, конечно, был готов ко всему.

Он бы не стал его презирать, и уж тем более ненавидеть.

А Фу Чэн всё время прятался, словно хотел провести черту между ними, держаться на расстоянии.

Это было так обидно.

Линь Цзао шмыгнул носом, опустил руки и перевернулся на другой бок.

Он протянул руку и обнял Линь Сяобао.

Всё, спать.

Он сказал, что не пойдёт к Фу Чэну, значит, не пойдёт.

Что там смотреть посреди ночи?

Даже если и пойти, всё равно увидишь только спину.

Приняв решение, Линь Цзао устроился поудобнее, закрыл глаза и уткнулся лицом в мягкую подушку.

Спать, утром разберёмся.

Он не пойдёт к Фу Чэну.

Не пойдёт, не пойдёт, и всё!

И не...

В следующую секунду издалека донёсся звериный вой.

Расстояние было большим, звук — негромким, и до них доносилось лишь что-то похожее на

собачий лай.

Но Линь Цзао всё равно испугался и рывком сел в кровати.

Н... нет.

Надо всё-таки сходить посмотреть.

У Чэн-гэ такая глубокая рана, а зомби снаружи такие свирепые.

Как можно его бросить?

Линь Цзао прижал руку к груди, чувствуя, как бешено колотится его сердце.

Пойти, сходить посмотреть.

Посмотреть на Чэн-гэ, пусть даже только на его спину.

Приняв решение, Линь Цзао откинул одеяло, встал, надел тапочки и армейское пальто, вытащил из кармана ключи, тихонько открыл дверь и вышел.

С большой связкой ключей в руке он поочерёдно открыл дверь на третьем этаже, на первом, дверь в гараж и оказался перед кладовой.

К счастью, в кладовой было тихо, ни звука.

Чэн-гэ не выл по ночам, как другие зомби.

Линь Цзао немного успокоился. Он привычно взобрался на скамью, поднялся к окну и заглянул внутрь.

В комнате было темно, лишь немного лунного света пробивалось сквозь лопасти вентилятора.

И, как и ожидалось, в лунном свете Линь Цзао снова увидел высокую спину мужчины.

Фу Чэн по-прежнему лежал на кровати, отвернувшись к стене.

Только спина, ничего кроме спины.

Линь Цзао больше не сердился. Он вздохнул и, положив руки на подоконник, как школьник на уроке, стал пристально смотреть на него.

Так прошло несколько минут.

Линь Цзао поджал губы и неуверенно позвал:

— Чэн-гэ?

Фу Чэн едва заметно вздрогнул, но сдержался и не обернулся.

— Я знаю, что ты не спишь.

Линь Цзао всё понял.

— Ты целый день не спал, правда?

Фу Чэн стиснул зубы, заставляя себя смотреть на стену перед собой и не отвлекаться.

Но Линь Цзао не собирался так просто его отпускать.

Его голос по-прежнему был нежным, с нотками неуверенности.

— Ты не хочешь, чтобы мы с Сяобао видели твоё лицо?

— Ты не можешь говорить и не хочешь, чтобы мы с Сяобао об этом узнали?

— Ты не можешь себя контролировать и боишься нас с Сяобао напугать?

У Фу Чэна перехватило горло, а глаза вдруг налились кровью.

Значит, Сяо Цзао знает.

Сяо Цзао — самый умный в их семье, он всё знает.

— Не надо так.

— Я смотрел фильмы про зомби, я знаю, что когда люди превращаются в зомби, у них становятся острыми зубы, краснеют глаза, и они не могут себя контролировать.

— Я всё знаю, я не боюсь, совсем не боюсь.

— Потому что я ещё знаю, что ты — мой муж, Чэн-гэ, который всегда меня защищал.

— Я ведь клялся на свадьбе: в болезни и здравии, кем бы ты ни стал, я буду любить тебя.

Линь Цзао, стоя на цыпочках и подперев щеку рукой, о чём-то задумался и тихо рассмеялся.

— Хорошо, что ты тогда решил следовать моде и устроил европейскую свадьбу, а то я бы не смог дать клятву.

— Может, ты и правда спишь, но мне почему-то кажется, что нет.

— Обернёшься ты или нет, я просто не мог уснуть и захотел с тобой поговорить.

— Я хочу очень, очень серьёзно тебе сказать...

— Я не испугаюсь тебя, правда.

Сказав всё, что хотел, Линь Цзао опустил глаза и в заключение добавил:

— Чэн-гэ, прости.

При этих словах и в комнате, и снаружи на мгновение воцарилась тишина.

Фу Чэн невольно сжал кулаки, и его сердце, казалось, тоже сжалось, причиняя острую боль.

Почему Сяо Цзао извиняется перед ним?

Он снова его расстроил, да?

Линь Цзао надул щеки и тихо сказал:

— Я не должен был так ругаться на тебя днём. Я просто хотел поговорить с тобой, совсем не думал о тебе. Я такой плохой, прости.

Нет! Неправда!

Сяо Цзао хороший, совсем не плохой!

Сяо Цзао не за что извиняться!

Фу Чэн кричал об этом мысленно, но в реальности он лишь открыл рот, его кадык судорожно дёрнулся, но он не смог издать ни звука.

Его горло было сковано, и даже если бы он попытался что-то сказать, получилось бы лишь звериное рычание.

Фу Чэн стиснул зубы, и в борьбе с вирусом из его глаз хлынули горячие слёзы.

Говори! Ответь!

Скажи Сяо Цзао!

Скажи, что ты не сердишься, что ты не спишь.

Что ты тоже его очень любишь!

Фу Чэн продолжал свою мучительную борьбу.

Линь Цзао, подождав немного и видя, что он не собирается оборачиваться, сдался.

— Ладно, — Линь Цзао постарался придать своему голосу бодрости. — Тогда я пойду спать, и ты тоже ложись. В конце концов...

— В конце концов, у нас ещё много-много времени, правда?

Раздался тихий стук, и Линь Цзао ушёл.

Фу Чэн, обессиленный, рухнул на кровать.

Но в следующую секунду он снова вскочил и встал на ноги.

***

Тем временем...

Линь Цзао запер дверь гаража и дверь на первом этаже и, сунув ключи в карман, поднялся наверх.

Он знал, что Чэн-гэ упрямый и гордый.

За двадцать с лишним лет, с чем бы он ни сталкивался, Чэн-гэ никогда не сдавался и уж тем более не показывал свою слабость перед ним и Сяобао.

А теперь, в таком состоянии, он тем более не станет выставлять свои раны напоказ.

Линь Цзао больше не сердился.

Наоборот, его сердце разрывалось от боли.

Вернувшись в спальню на третьем этаже, Линь Цзао взял термос и налил себе чашку горячей воды.

Он обхватил керамическую чашку обеими руками и сел за стол у окна.

Линь Сяобао спал на кровати позади него. Боясь его разбудить, Линь Цзао не стал включать верхний свет, а лишь зажёл настольную лампу, убавив яркость до минимума.

Тепло от чашки согревало его ладони.

Пар поднимался, затуманивая взгляд.

Линь Цзао опустил голову, подул на воду и сделал глоток.

Тепло разлилось по телу, и ему стало немного легче.

В этот момент Линь Цзао заметил на столе календарь Линь Сяобао...

Дневник роста салата-латука.

Вчера днём они посадили в воду большую миску салата и несколько кочерыжек в пластиковых бутылках.

Линь Сяобао не верил, что салат будет сам пить воду, и поэтому решил последовать его совету и завести «Дневник роста салата-латука».

Каждый день внимательно наблюдать и зарисовывать, как выглядит салат.

Линь Сяобао отнёсся к этому очень серьёзно. Поскольку он не умел писать и был трёхлетним неграмотным малышом, он взял чёрный мелок и попросил папу подписать обложку.

Шесть больших иероглифов Линь Цзао вывел каллиграфическим почерком, ровно и аккуратно.

На первой странице был нарисованный жёлтым мелком увядший салат и голые кочерыжки.

Линь Цзао, глядя на наивный детский рисунок, невольно улыбнулся.

Раз уж нельзя водить Сяобао гулять, пусть хотя бы наблюдает за салатом, развивает любознательность.

В этот момент Линь Цзао вдруг осенило, и улыбка застыла на его губах.

Точно! Дневник наблюдений!

Он тоже должен вести дневник!

Линь Цзао очнулся, наклонился, открыл ящик стола и достал новую, чистую тетрадь для конспектов.

Он открутил колпачок ручки, открыл первую страницу и, тщательно вспоминая, подробно и точно записал дату и событие.

— 4 февраля 3000 года, канун Нового года. Народная площадь, вспышка вируса зомби.

— 9 февраля 3000 года, пятый день Нового года. Фу Чэн отправился на поиски припасов, в тот же день благополучно вернулся.

— 14 февраля 3000 года, десятый день Нового года. Фу Чэн отправился на поиски припасов.

Что происходило в промежутке, Линь Цзао не знал, так как не был с ним.

Он оставил несколько пустых строк и продолжил.

— 19 февраля 3000 года, пятнадцатый день Нового года, Праздник фонарей. Около полуночи Фу Чэн вернулся домой.

— Поцарапан зомби, три раны на внешней стороне правой руки, глубина раны...

Линь Цзао закрыл глаза, пытаясь вспомнить.

— Глубина раны около восьми сантиметров, одна длиной около двадцати сантиметров, две другие — около пятнадцати, видна кость.

— 20 февраля 3000 года, обработал раны Фу Чэна «Юньнань Байяо», кровотечение заметно уменьшилось, наложил повязку.

— Сегодняшнее питание, обед: рис, тушёная свинина, жареный салат. Ужин: ...

— Всё съел, сегодня Фу Чэн, кажется, всё ещё в сознании, избегает контактов.

Линь Цзао, склонившись над столом, выводил иероглиф за иероглифом, записывая всё, что мог вспомнить.

До сих пор никто не знал, что представляет собой вирус зомби.

Поэтому он должен был записывать, какие лекарства он давал Фу Чэну, чем его кормил.

Если Чэн-гэ станет хуже, он сможет найти причину в этих записях.

Если Чэн-гэ станет лучше, он сможет найти причину в этих записях.

Если... если вдруг мимо пройдёт какой-нибудь знающий врач или учёный, он сможет, основываясь на этих записях, помочь им.

Даже если ничего из этого не произойдёт, он сможет лучше понять повадки зомби и лучше заботиться о Чэн-гэ.

Это была история болезни Чэн-гэ.

Это был его...

Линь Цзао перевернул тетрадь и, взяв маркер, написал на обложке:

Дневник кормления мужа-зомби.

Восемь больших иероглифов закрыли собой надпись «Конспекты детского сада „Солнышко“».

Линь Цзао глубоко вздохнул и, подняв голову, посмотрел в окно, словно увидел проблеск надежды.

Когда он закончит эту тетрадь, Чэн-гэ поправится.

Неважно, что будет, он будет вести записи.

Яркий лунный свет заливал землю...

Пробиваясь сквозь щели в шторах, он падал на бумагу перед Линь Цзао.

И пробиваясь сквозь лопасти вентилятора, он падал на стену перед Фу Чэном.

В кладовой Фу Чэн сидел в углу и винтиком царапал на стене иероглифы.

Винтик выпал из стеллажа, когда Фу Чэн его двигал.

Сейчас суставы Фу Чэна были скованы, а зрение затуманено. Ему стоило огромных усилий поднять с пола этот винтик.

Он сидел на полу, в левой руке держал ещё несколько винтиков, а правой, с трудом сжимая один, выводил на стене иероглиф...

Цзао.

Когда последняя черта была закончена, рука Фу Чэна разжалась, и винтик упал на пол.

Он неуверенно протянул руку и холодными, онемевшими пальцами коснулся выцарапанного им иероглифа.

Фу Чэн опустил голову и упёрся лбом в стену.

Сяо Цзао, Линь Цзао.

Его самая-самая любимая жена.

Нельзя забывать, никогда нельзя забывать.

И... и Сяобао.

Фу Чэн несколько раз мысленно повторил иероглиф «Цзао», а затем снова взял винтик и продолжил царапать на стене.

Бао...

Как пишется иероглиф «Бао»?

Он забыл! Он вдруг забыл!

Как он мог забыть?

Чёрт! Знал бы, не назвал бы сына так!

Назвал бы его «Сяо И» или «И-и».

Просто и легко запомнить.

Но что поделаться, имя уже дано, сейчас не изменишь.

Фу Чэн стиснул зубы, несколько раз ударился лбом о стену и, наконец, выудил из глубин памяти иероглиф «Бао».

Вот, теперь и он написан.

Сяобао, Линь Сяобао.

Его любимый сын, его тоже нельзя забывать.

Фу Чэн снова укрепил свою решимость и, не переставая, мысленно повторял имена жены и сына, впечатывая их в своё сердце.

Ночь была тёмной, вой зомби не утихал.

Линь Цзао сидел за столом, Фу Чэн — в углу.

Линь Цзао писал, Фу Чэн повторял.

В этот самый миг лунный свет, повернувшись в небе, озарил их обоих.

Никогда не забыть, никогда не предать.

<http://bllate.org/book/16977/1582353>